

В. Стасов

Русский народный орнамент

Выпускъ первый. Шитье, ткани, кружева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 745/749
ББК 85.12
В11

B11 **В. Стасов**
Русский народный орнамент: Выпускъ первый. Шитье, ткани, кружева / В. Стасов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 130 с.

ISBN 978-5-458-24268-4

Как известно, Стасов был сторонником теории заимствования русских народных орнаментов, вышивок, а также устного творчества, включая былины, у других народов, т.е. отрицал самобытность русского народного искусства. "По мести, наши узоры не могли произойти специально в нашем отечестве, потому что существуют у многих других народов с незапамятных времен, гораздо раньше появления Руси на исторической сцене". - пишет Стасов. И хотя позиция Стасова по вопросу заимствования русских былин у других народов подверглась серьезной критике со стороны современных ему ученых, его установка на "заимствованный" орнамент ещё не получила серьезную оценку среди современных этнографов и искусствоведов. Но книга интересна, безусловно, не позицией Стасова, а тем, что это первый художественный альбом русской народной вышивки, изданный в России. Обычно этнографы, ссылаясь на данную книгу, любят цитировать эту мысль Стасова: "Имеют ли какое-нибудь значение изображения наших вышивок? Не просто ли это продукт фантазии и произвольная игра в линии? Никогда. Орнаменты всех вообще новых народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства".

ISBN 978-5-458-24268-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Своеобразные формы и красота русского орнамента обратили, наконецъ, на него то всеобщее вниманіе, въ которомъ ему такъ долго отказывали. Въ настоящее время, не только у насъ, въ многихъ общественныхъ музеяхъ и въ коллекціяхъ частныхъ лицъ, образовалась особые отдѣлы, посвященные собранию предметовъ, гдѣ самую значительную роль играетъ русская национальная орнаментистика,—но и въ Европѣ начинаютъ цѣнить и любить ея плянки и оригинальныя особенности.

Междѣ тѣмъ, предметы, относящіеся къ бытовой народной жизни, съ каждымъ годомъ все быстрѣе и быстрѣе исчезаютъ изъ употребленія, уступая мѣсто предметамъ новѣйшаго происхожденія и формы, которые, безъ сомнѣнія, болѣе прежнихъ соответствуютъ удобствамъ и потребностямъ современной жизни, но при этомъ утрачиваютъ качества, наслѣдованныя отъ прежнихъ эпохъ народного творчества: самобытную оригинальность, наивность и красоту. Поэтому-то, теперь самое время собирать и издавать эти предметы: уже слишкомъ ясно всякому наблюдателю народной жизни, что пройдетъ еще немногій десятилѣтій, даже быть можетъ лѣтъ—и предметы бытовой народной жизни окончательно исчезнутъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Имѣя все это въ виду, и опредѣливъ всю важность серьезнаго изученія русского народного орнамента для образования и развитія народного русского искусства, Общество Поощренія Художниковъ рѣшилось предпринять изданіе, отдѣльные выпуски котораго заключали бы систематически собранные и избранные образцы вышивокъ, тканыхъ, кружевъ, рѣзбы па деревѣ и на кости, производствъ: металлическаго, гончарнаго, эмальернаго, стекляннаго и т. д.

Первый выпускъ посвящается **ШИТЬЮ, ТКАНЬЯМЪ И КРУЖЕВАМЪ.**

I.

Изученіе памятниковъ русского народного творчества приводить къ заключенію, что въ вышивкахъ и тканяхъ по холсту уцѣлѣли самые многочисленныя, самые оригинальныя, самые характерныя и самые значительныя остатки национального русскаго художества. На полотенцахъ, простыняхъ, наволочкахъ, рубахахъ, передникахъ, женскихъ головныхъ уборахъ и т. д., т. е. вообще па предметахъ самого пост япнаго и общераспространеннаго употребленія, на предметахъ, можно сказать, почти не покидавшихъ древнаго русскаго человѣка съ утра и до вечера, съ вечера и до утра, дома и избѣ—и на работахъ въ полѣ, въ будни—и въ праздникъ, присутствовавшихъ при обрядахъ начала и конца жизни каждого, при свадьбахъ—и торжествахъ, —однимъ словомъ всегда и вездѣ—на этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы, и религиозныя представленія, и весь наивный складъ фантазіи, комбинирующихъ соображеній, остроумныхъ расчетовъ, прилагавшихъ и ловкаго сплоченія разнообразныхъ составныхъ частей.

Если взглянуть на русскіе народные узоры со стороны чи-

INTRODUCTION.

Les formes originales et la beauté de l'ornementation russe ont enfin attiré l'attention générale, qui lui avait été refusée si longtemps. Actuellement, ce n'est pas seulement en Russie que plusieurs musées publiques et les collections des particuliers ont formé des sections spéciales, destinées à recueillir les objets divers où l'ornementation nationale russe joue le rôle le plus important,—mais encore dans le reste de l'Europe on peut remarquer l'élosion d'une appréciation et d'un goût décidé pour les belles et curieuses particularités, de cette ornementation.

Or, les objets appartenant au cercle de la vie domestique nationale, disparaissent de l'usage général avec une rapidité qui ne fait que s'accroître d'année en année, pour céder la place à des objets de provenance et de forme moderne, lesquels, tout en possédant, sans nul doute, des qualités plus conformes aux convenances et aux nécessités actuelles, perdent néanmoins ce qui leur avait été légué par les époques antérieures de la création nationale—leur originalité merveilleuse, leur naïveté et leur beauté. C'est pour cela qu'il est bien temps aujourd'hui de recueillir et de publier ce genre d'objets: celui qui étudie la vie des peuples ne voit que trop clairement, qu'il se passera peu de dizaines d'années, de simples années même, et les objets appartenant à la vie intérieure nationale auront cessé d'exister, sans laisser aucune trace.

Pénétrée de ces motifs, et ayant la conscience de toute l'importance d'une étude approfondie de l'ornementation russe pour la formation et le développement de l'art national, la Société d'encouragement des artistes a résolu d'entreprendre une édition, dont les livraisons séparées contiendraient des échantillons, systématiquement réunis et choisis, de la broderie, des dessins tissés, des dentelles, de la sculpture sur bois et sur os, des travaux sur métaux, de la poterie, des émaux, de la verrerie etc.

La première livraison est consacrée aux dessins **brodés** et **tissés** et aux **dentelles**.

I.

L'étude des monuments nationaux russes porte à conclure, que les dessins brodés, ou tissés dans la toile nous ont conservé les restes les plus nombreux, les plus originaux, les plus caractéristiques et les plus importants de l'ancien art russe. Sur les essuie-mains, sur les draps de-lit, sur les taies d'oreiller, sur les chemises, sur les tabliers, sur les coiffures de femme etc., c'est-à-dire en général sur les objets d'un usage constant et universel, sur les objets qui, on peut le dire, ne quittaient jamais l'ancien homme russe, du soir au matin, et du matin au soir, à la maison dans son *izba*—et au milieu de ses labours aux champs, durant les jours de travail—et aux jours de fête, employés dans les cérémonies du commencement et de la fin de la vie de chacun, à la nôce et aux funérailles—sur ces objets, disons nous, se sont manifestés, d'une manière éclatante, et les goûts artistiques, et les représentations religieuses, en même temps que toute la somme de fantaisie, des combinaisons, des calculs ingénieux, de l'adaptation et de l'amalgame des divers éléments ornementaux.

Si l'on jette un coup-d'œil sur ces dessins, ne fut-ce qu'au

сто-художественной, эстетической, то нельзя не найти здесь любопытные и полные вкуса образцы такой игры линий, такой мастерской распорядительности съ самими узоромъ и съ промежуточными его формами, которые свидѣтельствуютъ обт очень значительномъ художественномъ чутъ и опытности, и должны оказаться драгоценными руководствомъ и совѣтомъ современному нашему художнику, когда онъ пожелаетъ творить въ области и въ характерѣ национального искусства. Нельзя безъ особенного интереса не следить шагъ-за-шагомъ, по узорамъ полотенца, простыни или головного убора, за тѣмъ, какъ первые сочинители узора ставили всегда — это очевидно — напередъ главную, среднюю фигуру, или же, гдѣ того требовала задача или сюжетъ, главный рядъ фигуръ, а потомъ уже наполняли всѣ остававшися промежутки тщательно выбранными формами, имѣвшими второстепенную важность въ религиозномъ или художественномъ отношеніи, но близко относившимися къ главному сюжету, и въ техническомъ отношеніи мастерски и расчетливо соотвѣтствовавшими данному пространству. При этомъ, гармонический экипажъ и постоянное соотвѣтствие между цвѣтыми пространствами, занятыми шитьемъ и бѣлыми полосками холста, остававшими пустыми —истинно изумителъ, и не можетъ не остановить на себѣ всего вниманія художника: чѣмъ болѣе у него вкуса, чѣмъ у него глазъ образованіе —тѣмъ болѣе онъ будетъ сознавать пріимѣчательныя качества древнихъ нашихъ вышивокъ.

Но промѣрь этой, покуда еще вѣнчайшей, стороны изящества и интереса для глаза, русское шитье представляетъ много другихъ еще любопытныхъ и важныхъ элементовъ. Здѣсь лежатъ драгоценные и, покуда, еще петронутые материалы для изученія разныхъ сторонъ древне-русской национальности вообще, и именно на это мы и считаемъ необходимымъ указать въ краткихъ чертахъ.

Настоящее изданіе не имѣло возможности представить все, что заключаютъ важнаго или любопытнаго русскій вышивки — материаловъ слишкомъ огроменъ — по даже и собранные здѣсь обращики содержать немало значительныхъ фактovъ.

И, во-первыхъ, они доказываютъ, что орнаментистика эта распространена по всѣмъ областямъ собственной Великороссіи (Малороссія, или южная Россія, имѣть свою систему узоровъ, иногда родственную съ великорусскою, но въ большинствѣ случаевъ отличную отъ неї, и скорѣе схожую съ орнаментистикой юго-западныхъ славянъ, болгаръ, сербовъ и т. д.). Мы представляемъ образцы орнаментистики, изъ сѣвернаго края: губерній Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, С.-Петербургской; изъ восточнаго края: губерній Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Воронежской, Саратовской; изъ западнаго края: губерній Смоленской, Витебской, Гродненской; наконецъ изъ центральныхъ нашихъ губерній: Московской, Орловской, Тульской. Объ особенностяхъ орнаментистики каждого края мы будемъ говорить ниже.

Предметы, на которыхъ находятся выпитые народные узоры, постоянно одни и тѣ же во всѣхъ разнообразныхъ, только что исчисленныхъ нами, русскихъ мѣстностяхъ. Самое главное мѣсто между этими предметами, по общѣ-распространенности и громадному повсемѣстному употребленію, занимаютъ —полотенца. Назначеніе ихъ довольно разнообразно. Такъ, наприм., они служатъ для украшенія избъ по праздникамъ, и тутъ, развѣщеніемъ рядами на веревочкахъ, тинущихся по стѣнамъ, являются чѣмъ-то въ родѣ наивной, первобытной картинной галереи русского крестьянинца, павѣрное болѣе древней чѣмъ паклееніемъ на стѣнахъ, раскрашенныхъ «лубочными картинками»; въ этой же избѣ они набѣшиваются, опять-таки для украшенія, въ кругу крестильного зеркала, шкафа съ посуш-

point de vue purement esthétique, il serait difficile de ne point trouver ici des échantillons pleins de goût et d'intérêt, des échantillons remplis d'un jeu de lignes et de combinaisons savantes entre le corps même de la broderie —et les fonds, qui témoignent d'un sentiment artistique et d'une dextérité considérables, et qui ne peuvent manquer de guider notre artiste contemporain, lorsqu'il se donnera la tâche de travailler suivant la caractére et dans le domaine de l'art national. Il est impossible de ne pas suivre, pas-à-pas, avec l'intérêt le plus vif, sur les oruemeuts d'un essuie-main, d'un drap-de-lit ou d'une coiffure, la méthode employée par les premiers créateurs d'un dessin. Ils plaçaient d'abord —ceci est absolument apparent—la figure la plus importante, celle du centre, ou bien, là où telle était la donnée et le sujet, la principale suite ou rangée de figures, et, pour remplir ensuite les interstices restés libres, ils intercalaien des formes choisies avec précision, des formes n'ayant qu'une signification secondaire sous le rapport religieux ou artistique, mais touchant de près au sujet principal, et s'adaptant d'une mani re merveilleuse à la surface donn e . Et c'est ici que l'équilibre harmonieux et le rapport constant entre les espaces colori s, remplis de broderie —et les espaces rest s blancs sur la toile—est vraiment ´tonnant et ne peut manquer d'attirer toute l'attention de l'artiste: plus il aura de go t, plus son oeil sera exerc , et plus il aura conscience des qualit s remarquables de nos anciennes broderies.

Mais, en outre de ces ´lments, de beaut  et d'int r t pour l'oeil, qui ne sont encore qu'ext rieurs, les broderies russes en offrent d'autres non moins curieux et importants. Ici se trouvent des mat riaux pr cieux —et encore intacts—pour l' tude de l'ancienne nationalit  russe en g n ral, et c'est pr cisement ce point que nous croyons n cessaire d'esquisser ´ grands traits.

Le pr sent ouvrage ne saurait offrir tout ce qu'il y a d'important ou de curieux en fait de broderies russes —les mat riaux  tant trop abondants — mais cela m me qui a trouv  ici sa place ne contient pas peu de faits remarquables.

Et d'abord, les ´chantillons repr sent s sur nos planches dmontrent, que cette ornementation est r pandue dans toutes les r gions de la grande-Russie proprement dite (la Petite-Russie ou la Russie du Sud poss de un syst me d'ornementation qui lui est propre, qui quelquefois a des points de contact avec l'ornementation de la Grande-Russie, mais dans la majorit  des cas en est parfaitement distincte, et se rapproche plut t de l'ornementation des slaves occidentaux du Sud, tels que Serbes, Bulgares etc.) Nous offrons des ´chantillons de l'ornementation de la z ne septentrionale: gouvernements de Novgorod, de Pskoff, de Twer, l'Olonetz, de Wologda, d'Arkhangelsk, de St-Petersbourg; de la z ne orientale: gouvernements de Vladim r, de Yaroslaff, de Kostroma, de Nijny-Novgorod, de Simbirsk, de Penza, de Woron je, de Saratoff; de la z ne occidentale: gouvernements de Smolensk, de Witebsk, de Grodno; enfin de la z ne centrale: gouvernements de Moscou, d'Orel, de Toula. Quant aux particuli t s de l'ornementation de chaque z ne, il en sera parl  plus bas.

Les objets contenant des exemples de l'ormentation nationale, sont constamment les m mes dans les localit s diff rentes que nous venons d'num rer. Dans ce nombre les plus universellement r pandus et les plus commun ment employ s sont —les essuie-mains, dont la destination est assez vari e. C'est ainsi que, par exemple, ils servent ´ orner l'izba, les jours de f te, et ´ cet effet on les suspend, par rang es, ´ des ficelles tendues le long mur: ils jouent dans ce cas le r le d'une na ve et primitive galerie de tableaux du paysan russe, galerie ´ coup sur plus ancienne, que les images populaires grav es et colori es; dans la m me izba, ces essuie-mains sont appendus, ´galement en vue d'embellissement, autour du miroir et de l'armoire ´ vaiselle du paysan, ainsi qu'autour de ses images saintes; ensuite,

дой, и около образовъ; далѣе, полотенца вѣшаются, въ каче-
ствѣ ex-voto, на крестахъ, поставленныхъ въ деревнѣ на пе-
рекресткахъ. Потомъ, полотенца играютъ очень важную роль на
свадѣбѣ: еще будучи молодыми дѣвушками, будущія невѣсты
начинаютъ заготовлять ихъ какъ можно болѣе, хранить въ
своемъ сундуکѣ, какъ одну изъ главныхъ частей своего буду-
щаго приданаго, и въ день свадѣбы раздариваются имъ множе-
ство побѣзжаній; шитыми же полотенцами перевязываютъ лугу
и скрываютъ на лошадяхъ свадебнаго побѣзда.

Второе мѣсто занимаютъ **простыни**: ими постигаются, по
праздникамъ, или вообще въ знакъ особенной торжественности
(напр. при свадѣбѣ)—постель; сверхъ того, ими покрываются,
свѣшивая съ задка, свадебныя телѣги и сани.

Далѣе слѣдуютъ **пологи** и **наволоки**, которые въ самомъ
разнообразіи своемъ видѣ въ особенности назначаются для
свадѣбъ.

Ширинка—небольшой кусокъ холстины, вышитый но кон-
цами, вѣшается черезъ плечо дружкѣ на свадѣбѣ, иногда но-
сятся въ видѣ кушака, или же, будучи малаго размѣра, заты-
кается вмѣсто платка за кушакъ.

Рубахи мужскія и женскія вышиваются по подолу, по во-
роту и по оплечьямъ; сверхъ того мужскія—по низу рукавовъ.

Женскіе передники, съ рукавами и безъ рукавовъ (въ
разныхъ мѣстностяхъ носящіе разныя названія: *запонг*, *нару-
кавникъ*), бывають иногда отъ низу и почти сплошь доверху
покрыты шитьемъ.

Многочисленные и разнообразные женскіе **головные убо-
ры**, какъ-то: кокошники, кики, сороки, короны или коруны, по-
войники, вѣнцы, платки, ленты и т. д., отличаются множествомъ
шильдъ узоровъ, и ихъ употребленіе кажется дотого суще-
ственнымъ, что не рѣдкость встрѣтить въ деревняхъ замужнихъ
женщинъ, или дѣвушекъ, идущихъ босикомъ и одѣтыхъ въ до-
вольно грубыя платья, но въ головникахъ, уборахъ, покрытыхъ
богатыми узорами.

Наконецъ, къ позднѣйшему времени, хотя все еще сохрания
особенности национальной орнаментистики, принадлежать раз-
ные предметы церковнаго и свѣтскаго употребленія, наприм.:
ризы, **пелены**, **женскіе ридикюли**, **кисеты** и т. д.

Материалы, служащіе для выполнения всѣхъ этихъ узоровъ,
очень разнообразны и въ этомъ отношеніи вышитые предметы
распадаются на пѣсколько группъ.

Первая между ними—это огромная и всего болѣе распространенная
группа предметовъ, гдѣ узоры вышиты **красной бумагой** или
блѣмыми нитками, по холсту. Менѣе распространено шитье
красной бумагой, но въ добавокъ къ тому и **синими нитками**.
Еще менѣе предметовъ шильдъ разноцѣнными **шелками** (иногда
съ золотомъ). Всего рѣже вообще употребляется на вышивки—
разноцѣнная **шерсть** (этотъ материалъ особенно характеризуетъ
восточную нашу полосу).—Предметы, относящіеся къ этой
группѣ, слѣдующіе: полотенца, простыни, пологи, наволоки, ши-
ринки, рубахи, передники. Главный узоръ обыкновенно выши-
вается на самомъ холстѣ, а иногда пришивается; затѣмъ слѣ-
дуютъ другія меньшія полосы, отдѣленныя отъ главной, и одна
отъ другой—полосами краснаго, рѣже синаго кумача. Главная
вышивка называется **узоромъ**, а прочія—**верхними** и **нижними подзорами**. Подъ вѣмъ внизу подшивается русское узорчатое
кружево. Чѣмъ болѣе рядовъ или этажей шитья, тѣмъ полу-
тенце, простыня или передникъ богаче и цѣннѣе.

Вторую группу составляютъ женскіе головные уборы, изъ ко-

онъ фиксируются въ качествѣ d'ex-voto, sur les croix érigées aux carrefours des villages. Puis les essuie-mains jouent un rôle fort important dans les nôces: encore jeunes filles, les futures promises en confectionnent le plus grand nombre possible, les conservent dans leurs coffres comme l'une des parties essentielles de leur dot futur, et au jour de la nôce, en distribuent un nombre considérable aux assisants de l'autre sexe; on entortille également d'essuie-mains brodés la *douga* et le harnais des chevaux d'attelage de la nôce

En second lieu viennent les **draps-de-lit**: on en couvre, les jours de fête; et en général en signe de solennité quelconque (par exemple à l'occasion d'une nôce)—le lit; en outre, étant suspendus derrière le siège, ils servent à orner le chariot ou le traineau de nôce.

Suivent les **rideaux de lits** et les **taies d'oreiller**, qui, le plus chargés d'ornements, font particulièrement partie des splendeurs de la nôce.

La **shirinka**—une pi  e   troite de toile brod  e (aux extr  mit  es) est port  e par le gar  on de nôce en sautoir, quelquefois en forme de ceinture, ou bien, lorsqu'elle est de petite dimension, est fix  e au lieu de mouchoir de poche dans la ceinture.

Les **chemises** d'homme et de femme sont brod  es par en-bas, au col et sur les   paules; en outre, les chemises d'homme, au bas des manches.

Les **tabliers de femme**, avec manches ou sans manches (portant dans diff  entes provinces des noms diff  rents) sont quelquefois presque compl  tement couverts de bas en haut de broderies.

Les **coiffures de femme**, nombreuses et vari  es, telles que *kokoshniks*, *kikas*, *sorokas*, *couronnes*, *diadèmes*, *poto  niks*, *mouchoirs*, *rubans de tete* etc., se distinguent par une grande pr  fusion de dessins brod  es, et l'usage paraît en   tre tellement essentiel, qu'il n'est pas rare de voir dans les villages, des femmes ou des jeunes filles allant pieds-nus et v  tues de robes assez grossières, mais portant sur la t  te des coiffures couvertes de riches dessins.

Enfin, appartenant d  jà à des p  riodes post  rieures, quoique conservant encore les particularités de l'ornementation nationale, viennent se ranger ici divers objets d'usage religieux ou mondain, tels que: **chasubles**, **couvertures d'usage eccl  astique**, **sacs de femme**, **bourses diverses** etc.

Les **mat  riaux** servant à l'ex  ecution de tous ces dessins, sont tr  s nombreux, et sous ce rapport, les objets brod  es offrent plusieurs groupes.

Le premier, le plus nombreux et ayant le plus d'extension, est celui des objets, sur lesquels les dessins sont brod  es en *coton rouge* ou en *fil blanc*, sur fond de toile. Moins r  pandue est la broderie en *coton rouge* et en m  me temps en *fil bleu*. On trouve encore moins d'objets brod  es en *soies* de diverses couleurs (quelquefois avec de l'or). Le moins souvent on trouve l'emploi, pour la broderie, des *laines* de diverses couleur (ces dernières caract  risent plus particuli  rement notre z  one orientale). Les objets appartenant à ce groupe, sont les suivants: essuie-mains, draps-de-lit, rideaux de lit, taies d'oreiller, shirinkas, chemises, tabliers. Le dessin principal est ordinairement brod  e sur la toile m  me, et quelquefois rapport  ; il s'y trouve quelquefois en dessous et plus rarement en dessus, d'autres bandes de dessins, de moindre valeur, s  par  es l'une de l'autre par des bandes de *koumatsh* (  toffe de coton) rouge, rarement bleu. La bande principale porte le nom de *ouzor* (dessin), les autres celui de *podzor* (frise ou corniche) *sup  erieur* et *inf  erieur*. Le tout est bord  e en bas d'une dentelle orn  ementée russe. Plus il y a de rangées ou   tages brod  es, plus l'essuie-mains, le drap-de-lit ou le tablier est consid  r   comme riche et de haut prix.

Le second groupe contient les coiffures de femme dont les

торыхъ одни шитья, по большей части, по холсту, рѣже по шелковымъ матеріямъ—золотомъ, шелками, блестками и жемчугомъ,—а другіе, по тому же фону, разноцвѣтною шерстью и шелкомъ (какъ и въ предыдущей группѣ, шерсть есть особенность восточной нашей полосы).

Предметы третьей группы: ризы и проч., бывають выполнены то просто по холсту, то по шелковымъ матеріямъ: атласу, штофу, парчу, бархату; сообразно съ фономъ различенъ и матеріаль для выполнения шитья: въ однихъ случаевъ онъ очень простъ, въ другихъ—онъ состоитъ изъ золота, шелковъ, жемчуга, и т. д.

Способы вышиванья также очень разнообразны. Главныхъ группъ двѣ: вышиванье на рукахъ и вышиванье въ пяльцахъ.

Къ первой группѣ относится одинъ только видъ: *шитье двустороннее*, котораго примѣры представляютъ пашни рисунки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 и т. д.; имя его происходит оттого, что съ обѣихъ сторонъ холста появляется совершенно одинъ и тотъ же узоръ. Оно также, смотря по мѣстности, называется: *въ клѣтку по и расписи*. Шитье, въ большинствѣ случаевъ, красной бумагой; иногда частью и спицами нитками (напр. №№ 197 и 210). Это самое долгое шитье, потому что шьется вдвойнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это, по всей вѣроятности, и *самое древнее* наше шитье. Двустороннее шитье имѣть свои подраздѣленія: *крупная клѣтка, мелкая клѣтка или мелкоткань*—самый продолжительный способъ,—*пкосая стежка* (примѣры послѣдней: звѣзда въ № 2, лучистые цвѣтки въ № 115 и т. д.).

Междудающими второй группы первое мѣсто занимаетъ *шитье крестиками* (см. наприм. №№ 6, 16, 18, 23, 25 и т. д.). Въ иныхъ мѣстахъ оно также называется *верхушонъ, въ пятку, по маишенному, на отмашъ, расколъ*. Шьется всегда чаще красной бумагой; но кроме того: синими нитками (№ 124), разноцвѣтными шерстями (№№ 36, 37, 44, 45 и т. д.), разноцвѣтными шелками (№№ 80, 81, 82, 83, 161, 162 и т. д.). Это шитье гораздо скрѣе предыдущаго.

Далѣе слѣдуетъ самое скорое шитье—*наборомъ* (см. наприм. №№ 28, 35, многогранники въ № 67; 71, крупные прѣбы въ № 73; 74, средняя полоса № 78; дерево въ № 108, и т. д.). Шитье это состоитъ въ томъ, что нитка постоянно ныряетъ вверхъ и внизъ, какъ при тканѣ, такъ что одинъ стежокъ приходится на лицѣ, а слѣдующий на изнанкѣ холста. Другія названія этого шитья: *бранью, по-браному, выкладкой*. Шьется красной бумагой, иногда и синими нитками.

Чрезвычайно оригинально такъ называемое шитье *по-вырѣзи*, состоящее изъ сквознаго фона и плотнаго узора. Этотъ родъ шитья раздѣляется на два вида: *шитье собственно по-вырѣзи*, выполненное такимъ образомъ, что изъ холста выдергиваются нити (обыкновенно 4 выдергиваются и 4 оставляются, потомъ опять 4 выдергиваются и 4 оставляются, и т. д.), и послѣ того, иголкой съ бѣлой ниткой схватываются оставленными въ холстѣ нити такъ, что образуется желаемый узоръ (см. №№ 19, 43, 54, 139, 146, 212 и т. д.)—и шитье *по-перевити*, выполненное такимъ образомъ, что все оставшіяся невыдерганными изъ холста нити перевиваются иголкой съ ниткой, такъ что образуется какъ бы толстая канва, и по ней уже настилаютъ извѣстный узоръ (См. №№ 49, 51, 52, 65, 103, 215 и т. д.). Образцы встречающихся иногда шитья по-перевити, съ употребленіемъ также красной бумаги, и разноцвѣтныхъ нитокъ или шелковъ—№№ 11, 43, 54, 147 a). Первый способъ служить для простыхъ рисунковъ, второй для болѣе сложныхъ. Вообще же шитье по вырѣзи, повидимому, очень древне, наравнѣ съ шитьемъ двустороннимъ.

unes sont brodées, pour la majeure partie, sur une pi ce de toile, plus rarement sur des  toffes de soie—en or, en soies, avec paillettes et en perles,—et les autres, sur fond du m me genre, en laines et en soies de diverses couleurs (ici comme dans le groupe précédent, la laine dans les broderies est une particularit  de notre zone orientale).

Les objets du troisi me groupe: chasubles, etc. sont ex cut s tant t simplement sur toile, tant t sur  toffes en soie, satin, damas, brocard, velours; suivant le fond, varient les mat riaux servant   la broderie: dans certains cas ils sont simples, et dans d'autres ils consistent en or, soies, perles etc.

Les genres de broderie sont  g alement tr s-vari s. Il y a ici deux groupes principaux: *broderie   la main* et *broderie au m tier*.

Le premier groupe ne contient qu'un seul sous-genre, la *broderie sans envers*, dont les exemples nous sont offerts par nos dessins №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 etc. Le nom vient de ce que la toile montre des deux c ts exactement le m me dessin. Les autres noms de cette broderie dans diff rentes provinces, sont: *brod, quadrill e, brod, d'apr s mod le*. Le dessin est ex cut , pour la majeure partie, en coton rouge, quelquefois aussi en partie en fil bleu (les №№ 197 et 210). Ce genre de broderie est le plus lent, car on doit l'ex cute en double; en m me temps, selon toute probabilit , c'est notre plus ancien genre de broderie. Les sous-divisions de la broderie sans envers sont: le *grand* et le *petit quadrill * (ce dernier s'appelle encore *dessin minuscule*, qui est le proc d  le plus long) et le *point oblique* (nous avons des exemples de ce dernier dans les  toiles du № 2, dans les fleurs radi es du № 115 etc.).

Parmi les esp ces du second groupe, la premi re place appartient au *point crois * (voyez les №№ 6, 16, 18, 23, 25 etc.). Dans plusieurs localit s, ce genre de broderie est aussi appell  *brod, en dessus, brod, au talon, brod, au point courant, brod, en deux*. Elle est ex cute le plus souvent en coton rouge, mais aussi: en fil bleu (v. le № 124), en laines de couleurs diverses (v. les №№ 36, 37, 44, 45 etc.), en soies diverses (v. les №№ 80—83, 161, 162 etc.). Cette broderie est bien plus exp ditive que la pr c dente.

Apr s cela suit la broderie la plus rapide, la broderie *  point devant* (pour exemples v. №№ 28, 35, les polygones du № 67; 71, les grandes fleurs du № 73; 74, la bande moyenne du № 78; l'arbre du № 108, etc.). Le proc d  de la broderie consiste en ce que le fil va est vient   travers la toile, comme dans le tissage, de sorte qu'un point apparaît sur l'av s, et le suivant sur le revers de la toile. Les autres noms de cette broderie sont: *brod, de tissage, brod, de plaque*. Elle est ex cute   en coton rouge, quelquefois aussi en fil bleu.

Un genre de broderie fort original est la broderie *  fil tir *, consistant en un fond *  jour* et un dessin compacte. Il y a ici deux sous-genres: l'un est la *brod,   fil tir  proprement dite*, qui consiste   tirer de la toile un nombre de fils (ordinairement 4 fils tir s sont suivis par autant de fils rest s en place, ensuite viennent 4 autres fils tir s suivis de 4 fils conserv s, etc.), apr s quoi avec une aiguille et un fil blanc on ex cute sur les fils rest s en place le dessin voulu; l'autre sous-genre est la *brod,   l'entortill *, qui consiste   entortiller, au moyen d'une aiguille avec fil blanc, chacun des fils conserv s dans la toile, ce qui forme un genre de canevas  pais, et c'est sur ce fond qu'on plaque le dessin voulu (v. les №№ 49, 51, 52, 65, 103, 215, etc.). Des exemples de la broderie *  l'entortill *, ex cute   au moyen de coton rouge, de fils et de soies de diverses couleurs, ajout es au fils blancs se voient aux №№ 11, 43, 54, 147 a). Le premier genre de broderie est affect  aux dessins simples, le second—aux dessins compliqu s. En g eneral, la broderie *  fil tir * semble  tre tr s-ancienne, au m me degr  que la broderie sans envers.

Тканые узоры воспроизводятъ (обыкновенно красной бумагой) рисунки всѣхъ этихъ четырехъ родовъ, но ограничиваются впрочемъ однѣми только геометрическими фигурами, крестами, звѣздами ромбами и т. д. (см. №№ 20, 26, 34, 50); иногда, промѣ красной бумаги, узоръ ткуть и разноцѣтными нитками (см. № 48).

Въ послѣднее время стало вводиться шитье *въ тамбуръ* (см. №№ 110, 1, 2, 147, 148 и т. д.), по исполненіемъ этимъ способомъ узоры хотя и воспроизводятъ многие образцы, но обыкновенно бываютъ очень искажены и грубы.

Кружево, очень разнообразныхъ и изящныхъ узоровъ, плетется по большей части бѣлыми нитками (№№ 43, 54, 68, 99 bis, 112 bis, 185, 215); но иногда бѣлое кружево прошивается красной бумагой и цвѣтыми нитками (№№ 124, 147 a). Кружевами особенно славится Орловская тубернія, всего болѣе Мценской уѣзда.

В заключеніе этого обзора родовъ вышиванья замѣтимъ, что многие изъ узоровъ носятъ своеобразныя народныя прозвища. Одни изъ нихъ происходятъ отъ имени мѣстъ или лицъ, наприм. *Самерка* (№ 114), отъ озера Самра, *Заянскій* (отъ села Заяны), *Баклачевскій* (№ 39), *Аленинъ* (№ 47); другіе отъ имени предметовъ, съ которыми имѣются, по понятію народному, сходства, наприм. *крестовицъ* (№№ 84, 85, 150), *калининовы листья* (№№ 7, 78), *яблоки* (№ 104), *ручекъ* (№ 198)—отъ изображеній тутъ громадныхъ рукъ, *мышинныя тропки* (№ 38), *витой ключа* (№ 36) и т. д.

II.

Къ какому времени относятся наши узоры? Древняго ли они происхожденія, или новаго? Въ вопросѣ величайшей важности, на которое однажды въ русской ученой литературѣ нельзя найти отвѣта, потому что она и вообще покуда этимъ предметомъ не занималась, повидимому не считая его достаточно важнымъ. Что же касается мнѣній, высказываемыхъ людьми, даже имѣющими нѣкоторое понятіе о пародной бытовой нашей жизни, то они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно далеки отъ истины. Такъ, напр., большинство убѣждено у пась, какъ въ чѣмъ-то совершенно несомнѣнномъ, что узоры нашихъ полотенецъ, простынь и т. д.—пичто ли, какъ каизиныхъ выдумки и случайныхъ фантазій крестьянокъ, вышивавшихъ тѣ предметы, или же—помѣщиковъ и помѣщицъ, выдумывавшихъ или заказывавшихъ тѣ узоры. Очень часто можно услышать ссылки на то, что въ такая-то крестьянка, замужняя женщина или дѣвушка такой-то губерніи, уѣзда, и деревни, именно славилась выдумываемыми, сочиняемыми ею узорами; что такая-то помѣщица приказывала своимъ крестьянкамъ или дворовымъ дѣвушкамъ копировать въ своихъ вышивкахъ тѣ или другіе узоры; что такія фигуры, какъ наприм. двуглавыя птицы, оттого такъ часто встречаются на полотенцахъ проч., что опѣ скопированы прямо съ двуглавыхъ орловъ на мѣдныхъ пятакахъ, при недостаткѣ другихъ оригиналовъ служившихъ образчиками; что другія фигуры, какъ напр. «птица сиринъ» и т. п., скопированы съ лубочныхъ картинокъ, и т. д. Въ свою очередь, другіе люди, имѣющіе претензію быть глубокомысленными и научными, утверждаютъ, что узоры нашихъ полотенецъ, простынь и проч. имѣютъ происхожденіе, которое очень легко опредѣлить и столько же легко приурочить къ той или другой эпохѣ. Такъ напр., разныя фигуры крестовъ доказываютъ (говорятъ они) происхожденіе религіозное, христіанское, и чтобы установить эпохи, къ которымъ они именно относятся, стѣтитъ только начать отъ самой простѣйшей фигуры, всего болѣе приближающейся къ формѣ обыкновенного церковнаго, равностороннаго креста, и идти потомъ къ другимъ, болѣе сложнымъ или усложнющимъся формамъ, являющимся представителями временъ поздѣйшихъ; двуглавыя птицы—это царскіе двуглавые орлы, доказывающіе происхожденіе не ранѣе XVI-го столѣтія; зданія

Les dessins *tissés* reproduisent (ordinairement en coton rouge) les figures de toutes ces quatre catégories, mais se bornent uniquement aux figures géométriques, telles que croix, étoiles, losanges etc. (v. les №№ 20, 26, 34, 50); quelquefois le dessin est aussi tissé en fils de couleurs diverses (v. le № 48).

A une époque moderne a commencé à s'introduire la broderie *au tambour* (v. les №№ 110, 112, 147, 148 etc.), mais les dessins exécutés de cette façon, quoique reproduisant des originaux anciens, sont pour la plupart considérablement estropiés et grossiers.

Les *dentelles*, de dessins fort variés et élégants, sont ordinai-rement confectionnées en fil blanc (№№ 43, 54, 68, 99 bis, 112 bis, 185, 215); cependant la dentelle blanche est aussi quelquefois entrelée de coton rouge et de fils de diverses couleurs №№ 124, 147 a). Le gouvernement d'Orel (et particulièrement le district de Mzensk) est fameux par ses dentelles.

En terminant cet apperçus des genres de broderie, nous observerons, que plusieurs des dessins mentionnés portent des noms nationaux fort originaux. Les uns viennent de noms de lieux et de personnes, par exemple *Samerka* (№ 114), du lac de Samra, *Zayansky* (du village de Zayanié), *Baklatshersky* (№ 39), dessin d'*Hélène* (№ 47); les autres—du nom des objets, aux quels ils ressemblent selon l'idée populaire; par exemple *croix ornée* (№№ 84, 85, 150), *feuilles d'obier* (№№ 7, 78), *pommes* (№ 104), *les mains* (№ 198), ce dernier à cause des mains énormes qu'il représente, *petits sentiers de souris* (№ 38), *clef en spirale* (№ 36) etc.

II.

De quelle époque proviennent nos dessins ornementaux? Sont-ils anciens ou modernes? Voilà une question de la plus haute importance, à laquelle cependant nous ne trouvons point jusqu'à ce jour de réponse dans la littérature scientifique russe, qui ne s'en est même pas encore occupée, la regardant apparemment comme peu sérieuse. Quant aux opinions des personnes qui ont même une certaine connaissance des objets appartenant au cercle de la vie intérieure du peuples—elles sont, pour la plupart, fort loin de la vérité. C'est ainsi, par exemple, que chez nous la majorité est persuadée comme d'une vérité complètement indubitable, que les dessins de nos essuie-mains, de nos draps-de-lit etc., ne sont autre chose que des inventions capricieuses et des fantaisies fortuites des paysannes, par qui elles sont produites, ou bien de mesdames et de messieurs les propriétaires, qui auraient inventé ou commandé ces dessins. Il n'est pas rare d'entendre dire, que telle ou telle paysanne, femme mariée ou jeune fille, habitante de tel gouvernement, de tel district et de tel village, a joui de la plus haute célébrité à cause des dessins *intentionnés* ou *composés* par elle; que telle dame-propriétaire avait maintes fois ordonné à ses paysannes ou à ses servantes de reproduire, dans leurs broderies, tels ou tels dessins; que certaines figures telles que, par ex., les oiseaux à deux têtes, se retrouvent si souvent sur les essuie-mains etc., parce qu'elles sont copiées immédiatement d'après les aigles à deux têtes des gros sous, faute de meilleurs modèles; que d'autres figures, par ex. celles des «oiseaux-syrènes» sont copiées d'après des pièces de l'imagerie populaire, etc. A leur tour, d'autres personnes, ayant des prétentions à la profondeur et à la science, affirment que nos dessins ont une provenance qu'il serait facile de déterminer et de ranger à telle ou telle époque. C'est ainsi que les différentes figures de croix prouvent (disent-ils) une provenance religieuse chrétienne, et pour fixer exactement les époques aux quelles elles se rapportent, il suffirait de commencer d'abord par la figure la plus simple, celle qui se rapproche la plus de la forme de la croix ecclésiastique commune, équilatérale, et passer ensuite aux autres formes, plus compliquées ou divergentes, qui appartiennent à des temps postérieurs; les oiseaux à deux têtes—ce sont les aigles à deux têtes des czars, témoignant d'une ori-

сь крестами наверху — это церкви, всегда бывшие передъ глазами вышивавшихъ крестьяноокъ и т. д.

Все это невѣро и не имѣеть ровно никакого значенія при объясненіи нашихъ узоровъ. Происхожденіе ихъ совершенно другое.

Безъ сомнѣнія, въ огромной массѣ русскихъ шитыхъ узоровъ есть некоторое количество такихъ, которые выдуманы помѣщющими и крестьянками, въ новѣйшія времена, или скопированы ими съ какихъ-нибудь попадавшихъ имъ на глаза предметовъ; но процентъ ихъ въ общей сложности такъ малъ, такъ ничтоженъ, что о немъ не стоитъ говорить. Между тѣмъ, сколько ни разспрашивай, въ любомъ углу Россіи, крестьяноокъ, вышивавшихъ полотнища, простыни, головные уборы и проч., всегда постоянно услышишь, что онъ пытъ, хотя и на память, но всегда по прежнимъ, изстары ведущимъ образцамъ, передаваемымъ изъ рода въ родъ. Въ то же время, столько же ошибочно предположеніе о христіанскому, царскому или государственному и тому подобномъ происхожденіи ихъ.

И по мѣсту, и по времени, наши узоры никакъ не могутъ принадлежать туда, куда ихъ хотѣли бы отнести, по незнанію.

По времени — они не принадлежатъ ко времени царскому, потому что тѣ фигуры, которыхъ (какъ наприм. двуглавыя птицы) на первый взглядъ относятся какъ будто бы специально ко времени царскому, встрѣчаются у насъ уже гораздо раньше учрежденія царскаго достоинства и принятія двуглаваго государственнаго орла; на многихъ памятникахъ, совершенно иного содержанія и значенія, и доказываются, что надо имъ искать другаго объясненія. Тѣ же между другими фигурами, которыхъ на первый взглядъ кажутся (какъ наприм. разнаго вида кресты) принадлежащими къ кругу христіанскихъ идей и изображеній, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ уже и во времена, задолго предшествовавшія христіанству.

По мѣсту, наши узоры не могли произойти специально въ нашемъ отечествѣ, потому что существуютъ у многихъ другихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ, гораздо раньше появленія Руси на исторической сценѣ. Эти-то вопросы и слѣдуетъ разсмотрѣть.

У насъ есть подъ руками пѣлый рядъ памятниковъ, позволяющихъ пріурочивать узоры русскихъ полотенецъ, простынь и проч. по времени несомнѣнному. Это — орнаменты и заглавные буквы нашихъ рукописей. Время происхожденія каждой рукописи почти всегда можетъ быть опредѣлено съ полнѣшю достовѣрностью, и вотъ на такія-то твердныя точки опоры могутъ опереться русские узоры.

Главнейшія и характер пѣлыхъ фигуры нашихъ вышивокъ имѣютъ самое близкое сходство съ орнаментами и заглавными буквами нашихъ рукописей XII, XIII и XIV вѣковъ, особенно двухъ послѣднихъ, и здѣсь заключаются, необыкновенно важные материалы національнаго нашего искусства и мистологии (рисунки рукописей XII вѣка содержатъ по большей части лишь первые зачатки того, что съ полною силой и опредѣленностью высказалось въ рисункахъ рукописей XIII и XIV вѣка). Для примѣра представимъ слѣдующіе немногіе, но вполнѣ убѣдительные примѣры.

Наші многочисленныи двуглавыи птицы (№№ 80—81, 149—156 и т. д.) имѣютъ своихъ прототиповъ въ изображеніяхъ двуглавыхъ птицъ, сильно распространенныхъ въ нашей древности, и, между прочимъ, много разъ повторенныхъ и въ заглавныхъ буквахъ XIII и XIV вѣка. Прилагаемая здѣсь подъ лит.

гина постѣріе au XVI siÃcle; les edifices surmontÃs de croix, ce sont des églises, car elles sont toujours exposées à la vue des paysannes brodeuses etc.

Tout cela est inexact et n'a aucune valeur pour l'explication de nos dessins. La provenance en est complètement autre.

Bien entendu, dans la masse des dessins russes brodés il s'en trouve un certain nombre dûs à l'invention individuelle des propriétaires ou des paysannes, à une époque récente, ou bien copiés d'après les diverses objets qui s'offraient le plus souvent à leur vue: mais la proportion, au milieu de la masse générale, est dans ce cas si minime, si nulle, qu'elle ne mérite aucune mention. Or, toutes les fois que l'on questionne, dans telle contrée voulue de la Russie, les paysannes, brodant les essuie-mains, les draps-de-lit, les coiffures etc., on reçoit toujours la même réponse, savoir, que tout en brodant leurs dessins de mémoire, elles suivent constamment des originaux traditionnels, venant des temps anciens, et transmis de génération en génération. Tant sous le rapport des localités, que sous celui du temps, nos dessins ne peuvent en aucune façon être rapportés là où on le voudrait quelquefois.

Sous le rapport du temps — ils n'appartiennent pas à l'époque des czars, car les figures (telles que par ex. les oiseaux à deux têtes) qui, au premier coup d'œil, sembleraient se rapporter spécialement à cette époque, apparaissent chez nous bien avant l'institution de la dignité de czar et l'adoption, par l'état, de l'aigle à deux têtes, — sur des monuments d'une signification tout autre, et veulent, par conséquent, une explication complètement différente; plusieurs autres figures (telles que par ex. les diverses croix) qui paraîtraient appartenir au cercle d'idées et de représentations chrétiennes, se rencontrent en masse déjà à des époques de beaucoup antérieures à la religion chrétienne.

Sous le rapport des localités, nos ornements n'ont pu naître spécialement dans le sein de notre patrie, car ils existent chez bien d'autres peuples de temps immémorial, bien avant l'apparition de la Russie au seuil de l'histoire. Et ce sont ces questions qui doivent être examinées ici.

Nous avons à notre disposition tout une série de monuments qui donnent la faculté de ranger les dessins des essuie-mains, draps-de-lit etc. russes, à une époque indubitable. Ce sont — les ornements et les initiales de nos manuscrits. L'époque de la provenance de chaque manuscrit peut généralement être fixée avec la plus complète exactitude, et c'est sur ces solides points d'appui que se basent les dessins russes.

Les figures les plus importantes et les plus caractéristiques de nos broderies ont une ressemblance très rapprochée avec les ornements et les initiales de nos manuscrits des XII, XIII et XIV siècles, particulièrement avec ceux des deux derniers, et c'est ici que sont déposés les matériaux les plus remarquables de notre art national (les dessins des manuscrits du XII siècle ne contiennent pour la plupart que les embryons de ce qui s'est développé et s'est produit avec le plus de plénitude dans les manuscrits des XIII et XIV siècles).

Pour preuve, nous donnons ici des exemples peu nombreux il est vrai, mais, nous l'espérons, suffisamment persuasifs.

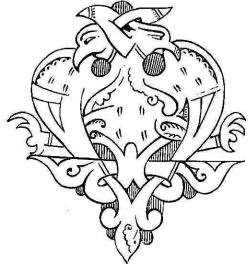
Nos oiseaux à deux têtes (№№ 80, 81, 149—156 etc.) ont leurs prototypes dans les représentations du même genre, fort usitées à nos époques les reculées et, entre autre, répétés bien des fois dans les initiales des XIII et XIV siècle. L'exemple sous la lettre A (reproduisant l'initiale russe О) est pris dans un psau-

А фигура (буква О) взята изъ Псалтиря XIV вѣка, Императорской Публичной библиотеки (изъ колл. Фролова), f°, № 2.

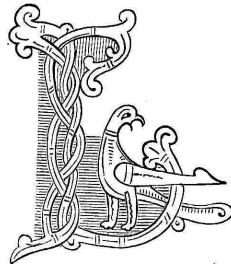
Одноглавыя птицы, такъ часто встрѣчающіяся на написѣ вышивкахъ, со сложеннымъ или распущенными хвостомъ, и то стоящиціе непремѣнно около дерева и обращенныя одна къ другой, (№№ 82 верхній подзоръ, 107, 116—117, 120, 123, 125—126, 130—135 и т. д.) имѣютъ много прототиповъ въ древнихъ памятникахъ и рукописяхъ. Прилагаемый подъ лит. В примѣръ (буква В) взяты изъ Евангелія 1270 года, f°, Румянцевскаго музея.

Одноглавыя птицы, какъ бы прикрепленныя къ дереву и обращенныя другъ къ другу спиной—перѣдкія въ нашихъ вышивкахъ (№ 143), имѣютъ много прототиповъ въ нашей древности. Прилагаемый подъ лит. С примѣръ (буква Y) взяты изъ Апостола XIV вѣка, f°, Публичной библиотеки (изъ колл. Погодина).

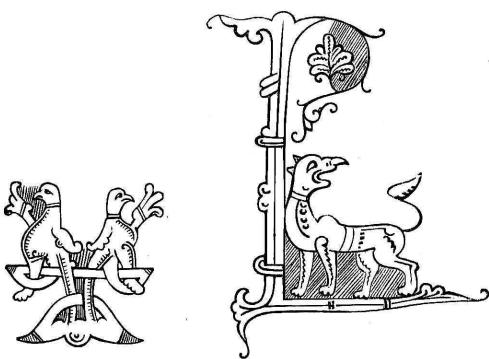
Фантастическая четвероногія, стоящія подъ деревомъ, обративъ голову назадъ (№№ 161, 163, 165 и т. д.), имѣютъ много прототиповъ въ нашеї древности. Прилагаемый подъ лит. D примѣръ (буква B) взяты изъ Евангелія 1270 года, f°, Румянцевскаго музея.

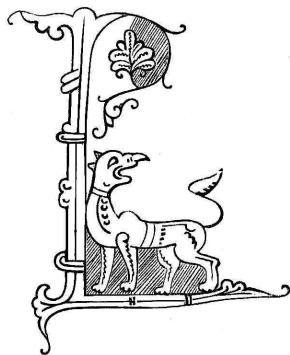
A.

B.

C.

D.

Фантастическая животная, въ вѣнице, съ распущенными крыльями и хвостомъ, растворенною пастью и простертими впередъ лапами (№ 160 b¹) перѣдко встрѣчаются въ изображеніяхъ древнаго нашего искусства. Прилагаемый подъ лит. E примѣръ (буква O) взяты изъ Псалтиря XIV вѣка, f°, Публичной библиотеки, № 3.

Фантастическая существа, съ птичими тыльми и человѣческимъ лицомъ (№№ 135 c, 147, 215 и т. д.) очень часто встрѣчаются въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. F примѣръ (буква И) взяты изъ Евангелія XIV вѣка, f°, библиотеки Академіи Наукъ.

Фантастические львы стоящіе съ поднятой лапой у дерева (№№ 124, 162, 164 и т. д.); человѣческія фигуры, держащія въ поднятыхъ рукахъ птицъ, вѣточки и сосуды (№№ 122, 127, 137, 153 155, 156, 160 a, 161, 167—170 176—177, 180, 183 и т. д.), или же держащія на привязи фантастическихъ звѣрей и животныхъ (№№ 190, 207, 208, 210, 211 и т. д.), также имѣютъ своихъ прототиповъ въ древнихъ написахъ, и, въ томъ числѣ, въ орнаментахъ и заглавныхъ буквахъ рукописей XIII и XIV вѣка. Мы не приводимъ примѣровъ, по ихъ многочисленности; но приведемъ одну очень за-

¹⁾ По ошибкѣ рисовальщика, этотъ рисунокъ (помѣщенный на листѣ LIII b) обозначенъ цифрою 138, вмѣсто 160 b.

tier du XIV s., appartenant à la Bibliothèque impériale publique (coll. Froloff), f°, № 2.

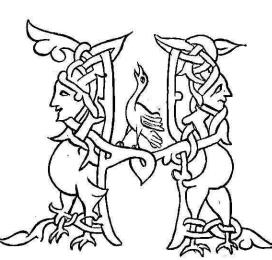
Les oiseaux à une tête, si communs dans nos broderies (tantôt la queue ployée et tantôt la queue étalée) et tournés l'un vers l'autre (№№ 82 dessin supérieur, 107, 116—117, 120, 123, 125—126, 130—135 etc.) ont bien des prototypes dans les monuments anciens et dans les manuscrits. L'exemple, offert sous la lettre B (représentant l'initiale russe B) est pris dans l'Evangile de 1270, f°, du musée Roumiantzoff.

Les oiseaux à une tête, qui semblent être fixés à l'arbre et adossés, communs dans nos broderies (№ 143), ont beaucoup de prototypes dans notre art ancien. L'exemple offert sous la lettre C (représentant l'initiale russe Y) est pris dans un Apostolaire du XIV s., f°, de la Bibliothèque publique (coll. Pogodine).

Les quadrupèdes fantastiques, se tenant sous un arbre, la tête retournée en arrière (№№ 161, 163, 165 etc.), ont beaucoup de prototypes dans notre antiquité. L'exemple offert sous la lettre D (représentant l'initiale russe B) est pris dans l'Evangile de 1270, f°, du musée Roumiantzoff.

E.

F.

Les animaux fantastiques, avec une couronne sur la tête, les ailes et la queue étalées, la queue ouverte et les griffes avancées (№ 160 b¹) sont fréquents dans les représentations de notre ancien art. L'exemple offert sous la lettre E (représentant l'initiale russe O) est pris dans un Psautier du XIVs., f°, de la Bibliothèque publique, № 3.

Les êtres fantastique à corps d'oiseau et à figure humaines (№№ 135 c, 147, 215 etc.) sont fréquents dans les anciens monuments russes. L'exemple offert sous la lettre F (représentant l'initiale russe И) est pris dans un Evangile du XIV s., f°, de la bibliothèque de l'académie des sciences.

Les lions fantastiques, se tenant auprès d'un arbre, la patte levée (№№ 124, 162, 164 etc.); les figures humaines tenant dans leurs mains levées des oiseaux, des rameaux et des vases (№№ 122, 127, 137, 153, 155, 156, 160 a, 161, 167—170, 176—177, 180, 183, etc.), ou bien tenant en bride des animaux fantastiques (№№ 190, 207, 208, 210, 211 etc.) ont également des prototypes dans nos monuments anciens, et aussi dans les ornements et les initiales de nos manuscrits des XIII et XIV siècles. Nous ne donnons pas d'exemples, qui seraient trop compliqués, mais nous nous bornerons à citer une figure fort remarquable (le № 168)

¹⁾ Par une erreur du dessinateur, ce dessin (placé sur la feuille LIII b) porte le chiffre 138, au lieu de 160 b.

мечательную фигуру (№ 168)—несущую на коромысле сосуды, о значениях которыхъ будеть говорено ниже: точно такіе же сосуды несетъ на коромыслѣ одна фантастическая фигура (буква Т) въ Шаремейникѣ 1271 года, 4°, Публичной библіотеки: она представлена у насъ подъ лит. Г.

Деревья, которыя вѣтки кончаются большими цветами (№№ 67 верхній подзоръ; 124—126, 133, 136, 147—148, 155 верхній подзоръ; 157, 165, 170 и т. д.) очень обыкновенны въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. Н примѣръ (буква Р) взяты изъ Евангелия XIV вѣка, 4°, библиотеки Академіи Наукъ.

Фантастичная крылья, которыми снабжены на нашихъ вышивкахъ извѣстныя колеса и деревья или столбы (№№ 160 а и б¹), 204 и т. д.) встрѣчаются и въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Прилагаемый подъ лит. I примѣръ (буква K) взяты изъ Евангелия XIV вѣка, 4°, библиотеки Академіи Наукъ.

Насязи или узлы, прикрѣпляемые къ деревьямъ (№№ 209, 191, 105 нижній подзоръ, 94 нижній подзоръ, 90, 9), очель обыкновенны на нашихъ памятникахъ. Примѣръ изъ рукописей см. на предыдущемъ рисункѣ.

Наконецъ, деревья по большей части на конусовидныхъ основанияхъ, съ прикрѣпленными къ нимъ орнаментальными пластинками разной формы и другими украшениями (№№ 73, 100, 101, 116—118, 126, 130, 134, 136, 143, 145 и т. д.), играютъ очень значительную роль въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Что же касается до рукописей, то мы представляемъ здѣсь подъ лит. К. одинъ изъ примѣчательнѣихъ и краси-вѣйшихъ примѣровъ этого рода (буква Т), заимствованный изъ Псалтиря XIV вѣка, 4°, Публичной библіотеки, № 2 (изъ колл. Погодина).

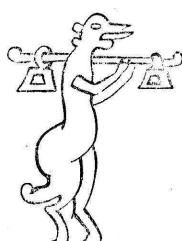
portant, aux deux bouts d'un balancier, des vases, dont il sera parlé plus bas: des vases identiques et portés de la même façon par une figure fantastique (reproduisant l'initiale russe Т) dans un livre d'Extraits de la Bible, de 1271, 4°, de la Bibliothèque publique. Nous la donnons sous la lettre G.

Les arbres, dont les branches se terminent en grandes fleurs (№№ 67 bande supérieure; 124—126, 133, 136, 147—148, 155 bande supér.; 157, 165, 170 etc.) sont très communs dans nos anciens monuments. L'exemple offert sous la lettre H (reproduisant l'initiale russe Р) est pris dans un Evangile du XIV s., 4°, de la bibliothèque de l'Académie des sciences.

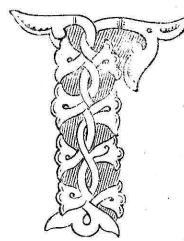
Les ailes fantastiques, dont sont chargés, sur nos broderies, certaines roues et certains arbres ou poteaux (№№ 160 a et b¹), 204 etc.) se trouvent sur nos anciens monuments. L'exemple offert sous la lettre I (reproduisant l'initiale russe К) est pris dans un Evangile du XIV s., 4°, de la bibliothèque de l'Académie des sciences.

Les noeuds fixés aux arbres (№№ 209, 191, 105 bande infér., 94 id., 90, 9) sont fort communs sur nos monuments. Pour un exemple tiré des manuscrits, voyez le dessin précédent.

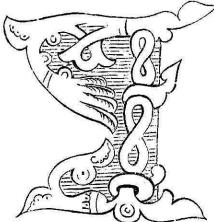
Enfin, *les arbres* posant pour l'ordinaire sur des bases coniques, avec des *plaques ornemées* et d'autres *ornements* fixés sur le tronc (№№ 73, 100, 101, 116—118, 126, 130, 134, 136, 143, 145 etc.) jouent un très grand rôle dans les anciens monuments russes. Pour ce qui regarde les manuscrits, nous offrons ici, sous la lettre K, l'un des exemples les plus remarquables et les plus beaux (il reproduit l'initiale russe Т), emprunté à un Psautier du XIV s., 4°, de la Bibliothèque publique, № 2 (coll. Pogodine).

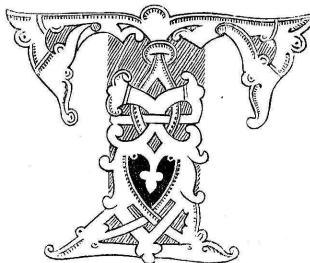
G.

H.

I.

K.

Эти немногіе, но, мы надѣемся, достаточно очевидные примѣры позволяютъ пріурочить шитые наши узоры самимъ несомнѣннымъ образомъ ко времени никакъ не позже XIII и XIV столѣтій; но такъ какъ невозможно предположить, чтобы орнаменты и заглавные буквы, встрѣчамыя въ рукописяхъ этихъ двухъ вѣковъ, были изобрѣтены именно только въ теченіе этихъ столѣтій—такъ какъ многіе изъ нихъ основныхъ элементовъ встрѣчаются уже ранѣе,—то изъ этого выходитъ, что и вышивки наши, совершенно однородныя съ орнаментами и буквами рукописей, восходятъ, по рисункамъ своимъ, до первыхъ, столѣтій исторической древней Руси.

Послѣ пріуроченія хронологическаго, приступимъ къ этнографическому пріуроченію нашихъ вышивокъ.

Имѣемъ ли мы право утверждать, чтобы ихъ рисунки были чисто русскаго происхожденія, и чтобы они возникли на нашей отечественной почвѣ? Нѣтъ, мы его не имѣемъ, если даже принять во вниманіе одинъ только тѣ предметы, на которыхъ они встрѣчаются. Собственно русскихъ одеждъ вовсе

Ce peu d'exemples, qui sont malgr  cela, nous l'esp rons, assez probants, permettent d'attribuer, de la mani re la plus indubitable, nos dessins brod s pas plus tard qu'aux si鑒cles XIII et XIV; or, comme il serait difficile de supposer que les ornements et les initiales employ s dans les manuscrits de ces deux si鑒cles eussent  t t invent s pr cis ment dans le courant de ces si鑒cles, car plusieurs de leurs  l ments apparaissent d j  avant cela,—nous arrivons   la conclusion, que nos broderies, appartenant exactement   la m me cat gorie que les ornements et les initiales des manuscrits, remontent, par leurs dessins, aux premiers si鑒cles de l'ancienne Russie historiques.

Apr s la d termination chronologique, passons   la d termination ethnographique de nos broderies.

Avons nous le droit d'avancer, que ces dessins soient de provenance purement russe, et qu'ils soient  clos sur notre sol national? Non, nous ne l'avons pas, m me dans le cas, o  nous ne prendrions en consid ration que les seuls objets sur lesquels ils sont reproduits. Il n'existe point de v tements proprement

¹⁾ Какъ уже выше сказано, на листахъ LIII a и LIII b, по ошибкѣ, оставленъ № 138 вместо 160 a и 160 b.

*) Comme nous l'avons d j  dit plus haut sur les feuilles LIII a et LIII b, on a mis par erreur sous les dessins, le № 138 au lieu de 160 a et 160 b.

не существует. Не говоря уже об одеждахъ, болѣе позднаго у насть появления, имена которыхъ достаточно свидѣтельствуютъ объ ихъ татарскомъ происхождѣніи (наприм. *кастанъ*, *зипунъ*, *армякъ*)—не говоря уже о нихъ, трудно было бы не замѣтить, что и другія, болѣе древнія части русскаго костюма имѣютъ происхождѣніе чужеземное, замѣтливое. Название русскаго общенароднаго *сарафана* (женской одежды безъ рукавовъ, съ проймами, застегивающаюся спереди, сверху до низу) происходитъ съ персидскаго, отъ слова *сарпай* или *сарапа*; название русскаго распространеннаго головного убора *кики* происходитъ отъ финскаго *кокко*—курица¹); наконецъ наша народная мужская рубашка, *блэлая*, или, въ самомъ грубоѣ своемъ видѣ, *синяя*, съ разрѣзомъ набоку, составляющаю харacterистичную ея особенность,—есть копія съ издревле-национальной персидской синей рубашки, имѣющей разрѣзъ на боку. Рубашка этого типа довольно рас пространилась, позь Персіи, по Кавказу, у грузинъ и частью даже у татаръ²). Вышитыя полотенца находятся въ величайшемъ, въ самомъ коренномъ, употреблении у финнскихъ народовъ и у персынъ. Въ виду этихъ фактовъ, трудно было бы предположить, чтобы не были также иноzemнаго происхождѣнія русунки и узоры, находящіеся на предмѣтахъ, приплыхъ къ намъ отъ другихъ народностей.

Но, переходя къ разсмотрѣнію самыхъ узоровъ, мы тотчасъ же замѣчаемъ, что въ нихъ нѣть ничего самостоятельного, потому что всѣ главныя составныя части ихъ существуютъ у извѣстныхъ народностей азіатскаго происхождѣнія, которая обладаютъ ими въ теченіе долгихъ столѣтій и, конечно, никоимъ образомъ не могли замѣтывать ихъ отъ русскихъ.

Восточные узоры, съ которыми наши имѣютъ всего болѣе родства, дѣлится на двѣ главныя группы: узоры **финнскіе** и узоры **персидскіе**.

Съ финнскими узорами, и именно всего болѣе съ узорами **восточныхъ финнскіхъ племенъ**, наши узоры имѣютъ много общаго, начиная съ самаго способа *вышиванья*. Лучшіе старѣйшия и худѣйшия наши узоры выполнены (какъ замѣчено уже выше) посредствомъ шитья двусторонняго, въ клѣтку и городками³); точно также всѣ вообще финнскіе узоры выполнены именно посредствомъ этого способа⁴). Правда, въ большинствѣ случаевъ, узоры мордовскіе, черемисскіе, чuvашскіе, вотяцкіе и т. д. вышиты разноцвѣтною шерстью, а иногда также шелкомъ, тогда какъ главный напѣвъ матеріалъ —одна красная бумага и рѣже синяя нитки; но, безъ сомнѣнія, рисунокъ въ настоящемъ случаѣ имѣеть болѣе значенія, чѣмъ исполненіе: эти послѣдніе, вмѣстѣ съ матеріаломъ, должны были зависѣть отъ экономическихъ и промышленныхъ условий разныхъ русскихъ мѣстностей.

Что касается до самыхъ рисунковъ, то общіе у насть съ финнскими тѣ, которые состоятъ изъ однѣхъ *геометрическихъ фігуру*.

Такъ, наприм., *фігуры изъ нѣсколькохъ пересѣкающихся прямыхъ линій*, съ большимъ или малымъ крестомъ внутри или безъ него (№№ 20, 21, 22, 25, 27 и т. д.), встрѣчаются очень часто въ вышивкахъ восточныхъ финнскіхъ племенъ. Прила-

¹⁾ Примѣчательно, что и другія имена нашихъ женскихъ головныхъ уборовъ взяты отъ птицъ: какъ наприм. *кокошинъ* (отъ кокоша—курица), *корока* (отъ птицы *короки* и пр.).

²⁾ По всей видимости, первоначальная русская рубашка была съ разрѣзомъ по срединѣ, какъ въ остальной Европѣ и у всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, а также и у южно-руссовъ (малороссиянъ), такъ, какъ название ея *корока* (корочка) происходитъ отъ скандинавскаго *serkr*—платье, одежда. Когда, черезъ какое посредство принятия великоруссами, отъ котораго нибудь иранскаго племени, рубашка съ косымъ воротомъ—покуда определить теперь еще невозможно.

³⁾ Въ нашихъ примѣрахъ, помѣщенныхъ внутри текста, мы, для облегченія гравера, представляемъ рисунки общими пряммыми линіями, безъ головокъ, кроме примѣровъ подъ лит. Q, R, S, FF.

⁴⁾ Узоры *западныхъ фішиовъ* тѣ же, что и у восточныхъ финновъ, только ихъ вообще гораздо менѣе, и сверхъ того, они бѣднѣе и однообразнѣе.

russes. Sans parler des habillements de date postérieure chez nous, dont les noms témoignent suffisamment de leur provenance tartare (tels que le *kuflan*, le *zipoun*, l'*armiak*)—sans parler de ceux-là, il serait difficile de ne pas remarquer, que les autres parties du costume russe, qui sont plus anciennes, sont de provenance étrangère. Le nom de *sarafan* (vêtement général de femme russe, sans manches, boutonné par devant, de haut en bas) vient du persan (*sarpaï* ou *sarapa*); le nom de *kiku* (coiffure de femme russe très-répandue) vient du finnois *kukko*—poule¹); enfin, notre chemise nationale d'homme, *blanche*, ou dans son plus grossier aspect, *bleue*, avec une fente latérale sur la poitrine—ce qui forme sa plus originale particularité—est une copie de l'ancienne chemise nationale persane, *bleue* et également pourvue d'une fente latérale sur la poitrine (cette chemise a eu, venant de Perse, une assez grande extension au Caucase, chez les géorgiens et en partie même chez les tartares²). Les essuie-mains brodés sont d'un usage commun et fort ancien chez les peuplades finnoises et chez les persans. Vu l'existence de tous ces faits, il serait difficile de ne point supposer une provenance étrangère aux ornements et aux dessins qui couvrent des objets reçus par nous des mains de nationalités étrangères.

Mais, en passant à l'examen des dessins eux m mes, nous observons dès le premier abord, qu'ils ne contiennent rien qui leur appartienne en propre, car tous leurs principaux éléments existent déjà chez certaines nationalités de souche asiatique, qui les possèdent depuis nombre de siècles et, certainement, n'ont jamais pu les emprunter aux russes.

Les dessins orientaux, avec lesquels les nôtres ont le plus d'affinité, se divisent en deux groupes principaux: les **finnois** et les **persans**.

Nos dessins ont beaucoup de commun avec les dessins finnois, et particulièrement ceux des **finnois orientaux**, à commencer par les procédés de la broderie. Nos meilleurs, nos plus anciens et nos plus caractéristiques dessins sont exécutés (comme nous l'avons déjà observé plus haut)—en quadrillé et en festons³: de même tous les dessins finnois en général sont exécutés au moyen de ce procédé. Il est vrai de dire, que pour la plupart, les dessins mordwines, tshérémisses, tshouvaches, votiaques etc. sont brodés en laines de diverses couleurs et quelquefois en soies, tandis que nous employons principalement pour la broderie le coton rouge et, plus rarement, le fil bleu,—mais, sans nul doute, les *dessins eux-mêmes* ont plus de valeur que les *couleurs*: ces dernières, ensemble avec les matériaux, ont dû dépendre des conditions économique et industrielles des diverses localités russes.

Pour ce qui regarde les dessins, les plus rapprochés de l'invention finnoise, ce sont parmi les nôtres, ceux composés uniquement de *figures géométriques*.

C'est ainsi que, par exemple, les *figures formées de plusieurs lignes droites croisées*, avec grande ou petite croix à l'intérieur, ou sans la croix (№№ 20, 21, 22, 25, 27 etc.) se voient souvent dans les broderies des finnois orientaux. L'exemple, offert sous

¹⁾ Il est curieux d'observer que les autres noms de nos coiffures de femme viennent également de noms d'oiseaux: *kokoshnik* de *kokosh* (poule), *soroka*—de soroka (pie), etc.

²⁾ D'après toute probabilit , la chemise primitive russe aura eu une fente sur le milieu de la poitrine, comme dans le reste de l'Europe et chez tous les autres peuples slaves, ainsi que chez les russes m ridionaux (petits russiens), car son nom de *soroka* (sorotshka) vient du mot scandinave *serkr*—vêtement. A quelle ´poque pr cise et par quels canaux conducteurs la chemise iranienne, la chemise à fente latérale, est arrivée chez les Grand-russiens—cette question est encore, pour le moment actuel, insoluble.

³⁾ Dans les exemples, intercal s dans notre texte nous avons toujours orn s les festons et reproduit les dessins par les lignes droites, pour al ger la tâche du graveur. Les seules exceptions se trouvent au lettres Q, R, S, FF.

⁴⁾ Les dessins des finnois occidentaux sont les m mes que ceux des finnois orientaux, seulement il y en a moins, et en outre, ils sont plus pauvres et plus monotones.

гаемый подъ лит. L образецъ взять съ черемисского передни-
ка, изъ музея Географического общества.

Фигуры изъ четырехъ и изъ двухъ пересекающихся линий (№№ 41, 43, 44, 48 нижній подзоръ, 55, 175 и т. д.) часто встрѣчаются въ узорахъ восточно-финскихъ флановъ. Прилагаемые примѣры взять: первый, лит. M, съ остицкой рубашки, изъ музея Академіи Наукъ, второй лит. N—съ вотяцкаго костюма, изъ музея Географического общества.

Фигуры изъ четырехъ пересекающихся прямыхъ линий съ загнутыми концами въ видѣ крючковъ (№ 50) часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. O примѣръ взять съ вотяцкаго головного убора, изъ музея Географического общества.

Фигуры изъ прямыхъ линий въ видѣ цифры 8 (№№ 9, 55 нижній подзоръ) часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. P примѣръ взять съ остицкой рубашки, уже помяну-
той подъ лит. M.

L.

M.

N.

O.

P.

Рышички изъ крестиковъ (№№ 84, 87, 162, 201) часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. Q примѣръ взять съ остицкой рубашки, изъ музея Академіи Наукъ.

Рышички изъ двухъ параллельно идущихъ полосъ зигзаговъ, пересекаемыхъ на правильныхъ разстояніяхъ маленькимъ ромбомъ (№№ 43 верхній подзоръ, 87 и 162 на узкой сторонѣ) часто встрѣчаются въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. R образецъ взять съ вышитаго кармана, принадлежащаго къ вотяцкому костюму, изъ музея Географического общества.

Ряды ромбовъ, вставленыхъ одни въ другіе (№№ 26, 27, нижній подзоръ, 127) ча-

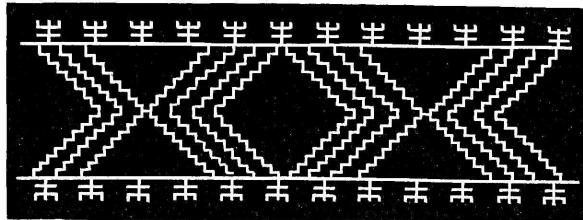
Q.

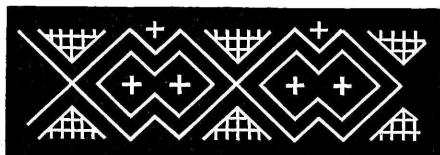
R.

сты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. S примѣръ взять съ черемисской рубашки, изъ музея Географического общества.

Ряды ромбовъ, входящихъ одни въ другіе угломъ (№№ 39 и 47), часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. T примѣръ взять съ черемисской рубашки, изъ музея Географического общества.

S.

T.

Ряды ромбовъ со звездами внутри (№№ 36—38, 42, 45—46) очень часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прилагаемый подъ лит. U примѣръ взять съ мордовской кички, изъ музея Академіи Наукъ.

Завитки спиралями (№№ 115, 24, 85, 88, 106, 119, 136, 144 и т. д.) очень часты въ восточно-финскихъ узорахъ. Прила-

la lettre L, est pris d'un tablier tshérémisse, appartenant au musée de la Société de géographie.

Les figures formées de quatre ou de deux lignes droites croisées (№№ 41, 43, 44, 48 bande infér., 55, 175 etc.) se voient souvent dans les dessins des finnois orientaux. Les exemples offerts sont pris, le premier, lettre M, d'une chemise ostiaque, du musée de l'Académie des sciences, et le second, lettre N, d'un costume votaque, du musée de la Société géographique.

Les figures formées de quatre lignes droites recourvées en crochets et croisées (№ 50) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre O, est pris d'une coiffure de femme votaque, du musée de la Société géographique.

Les figures formées de lignes droites en forme de chiffre 8 (№№ 9, 55 bande infér.) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre P, est pris de la chemise ostiaque, citée à la lettre M.

Les treillages formés de petites croix (№№ 84, 87, 162, 201) sont fréquents dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre Q, est pris d'une chemise ostiaque, du musée de l'Académie des sciences.

Les treillages formés de deux bandes parallèles de zigzags, traversées à intervalles réguliers par de petits losanges (№№ 43 bande supér., 87 et 162 côté étroit) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre R, est pris d'une bourse brodée, appartenant à un costume votaque, et faisant partie du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges rentrant l'un dans l'autre (№№ 26, 27 bande infér., 127) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre S, est pris d'une chemise tshérémisse, du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges rentrant l'un dans l'autre par un coin (№№ 39, 47) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple, offert sous la lettre T, est pris d'une chemise tshérémisse, du musée de la Société géographique.

Les rangées de losanges avec des étoiles à l'intérieur (№№ 36—38, 42, 45—46) sont fréquentes dans les dessins des finnois orientaux. L'exemple offert sous la lettre V, est pris d'une kitshka mordvine, du musée de l'Académie des sciences.

Les enroulements en spirale (№№ 115, 24, 85, 88, 106, 119, 136, 144 etc.) sont très fréquents dans les dessins des finnois